

О ДВОЙСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНТИПЛАТОНИЗМА

АНОТАЦІЯ

У статті розглянута антиплатонічна традиція в сучасній філософії. Автор стверджує, що витoki цієї традиції слід шукати в роботах Ф.Ніцше. У творчості Ніцше автор підкреслює його педагогічну філософію, спрямовану на виховання принципово нової людини. Ця філософсько-педагогічна доктрина – антиплатонічна, вона є рішуче спрямованою проти проекту філософської пайдеї Платона. Автор статті, проте, стверджує, що в питаннях філософської педагогіки, Ніцше не тільки протистоїть Платону, але й знаходиться в глибокій залежності від платонівських ідей.

Ключові слова: Платон, антиплатонізм, освіта, Ніцше.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена антиплатоническая традиция в современной философии. Автор утверждает, что истоки этой традиции следует искать в работах Ф.Ницше. В творчестве Ницше автор выделяет его педагогическую философию, направленную на воспитание принципиально нового человека. Эта философско-педагогическая доктрина – антиплатонична, она резко направлена против проекта философской пайдеи Платона. Автор статьи, однако, утверждает, что в вопросах философской педагогики Ницше не только противостоит Платону, но и оказывается в глубокой зависимости от платоновских идей.

Ключевые слова: Платон, антиплатонизм, образование, Ницше.

SUMMARY

The article discusses antiplatonic tradition in modern philosophy. The author argues that the origins of this tradition to be found in the works of Friedrich Nietzsche. In Nietzsche's doctrine the author identifies his pedagogical philosophy, which is aimed at the education of fundamentally new man. This philosophical and pedagogical doctrine is antiplatonic and sharply directed against the project of philosophical paideia of Plato. The author, however, argues that Nietzsche not only opposed to Plato in the matters of philosophical pedagogy, but is in dependence from Platonic ideas

Keywords: Plato, antiplatonizm, education, Nietzsche.

В серьезном контрасте с традиционным историко-философским и филологическим платоноведением находятся обращения к Платону современных философов, которые предпринимаются не с целью лучшего понимания греческого философа, а для того, чтобы использовать платоновские идеи в качестве строительного материала в своих собственных учениях. Почти всегда эти обращения к Платону густо замешиваются на антиплатонизме. Наиболее отчетливо эта тенденция выражена у Ж. Делеза, который считал свержение Платона наиболее важной задачей, стоящей перед философским мышлением: «Задача современной философии была определена: низвержение платонизма. Сохранение при этом многих черт платонизма не только неизбежно, но и желательно» [5, с. 82]. Э. Левинас, которого многие считают автором самого термина «антиплатонизм», в свою очередь говорит об антиплатонизме Бергсона, феноменологическом антиплатонизме, антиплатонизме «философии значения» [7, с. 605 – 607]. Ж. Деррида в своей борьбе против метафизики логоцентризма подвергает деконструкции именно платоновские тексты («Федр» в «Фармации Платона», как самый известный пример). У К. Р. Поппера именно Платон становится основоположником тоталитаризма, главным реакционером и антигуманистом. Ж. Рансьер, с его установкой на недоверие к любой истине, также последовательный антиплатоник, усматривающий в философии Платона проведение диктатуры от имени

истины. Х. Арндт во всех своих выступлениях показывает себя как убежденный и последовательный антиплатоник. М. Хайдеггер в некоторых своих текстах («Учение Платона об истине») также говорит о Платоне как мыслителе, ответственном за забвение исконного понимания истины как непотаенности. Пожалуй, единственным исключением на этом фоне является А. Бадью, который в своем «платонизме множественности» пытается восстановить посредством «платоновского жеста» противоречие между ἐπιστήμη и δόξα и утвердить понятие истины как регулятивной идеи в политике и метафизике. В целом же, на протяжении уже нескольких десятилетий (этого, по словам А. Бадью, «века антиплатонизма») навязчивой идеей целого ряда ведущих западных философов является стремление «опрокинуть Платона», которому приписываются все отрицательные черты метафизического мышления: лого-фоно-фаллоцентризм в метафизике, антидемократизм, элитарный авторитаризм и тоталитаризм – в политике и т.д. А. Бадью называет этот образ Платонова учения «самодельным платонизмом».

Безусловно, было бы наивно думать, что творцы этого впечатляюще цельного и совершенно антиисторичного Платона, принимают созданный ими образ за что-то, имеющее отношение к исторической реальности. Этот образ Платона, как и созданный в XX в. условный «платонизм», обслуживают собственные нужды западных интеллектуалов в ситуации постмодерна. К пониманию Платона этот платонизм нас не приближает, а отдаляет: как говорит А.В. Ахутин, чтению Платона «более всего противостоит то, что именуется *платонизмом*. Имею в виду не только традицию, но и тот расхожий «платонизм», который мы всегда уже знаем, даже если не читали ни строки самого Платона. Он как бы разумеется сам собой» [1, с. 219]. И именно потому мы не поддадимся искушению заняться исследованием образа Платона у Деррида или Фуко, Рорти или Арндт, что подобное предприятие представляло бы, по сути, актуализацию проблемы «Платон и современная западная мысль», не только выходящую далеко за рамки статьи, но и превосходящую, как нам кажется, возможности одного человека. Тем более что уже второй взгляд на панораму этой ситуации заставляет нас предположить, что за антиплатоническими лозунгами скрывается драматическая коллизия *зависимости антиплатоников от Платона*. Об этом свидетельствует, к примеру, интеллектуальная биография Ж. Делеза «Шум бытия», в которой, с первой до последней страницы, А. Бадью доказывает, что на самом деле Делез-то и был в каком-то смысле платоником: «По сути, учение Делёза является платонизмом со смещенным акцентом» и далее: «Делез, конечно, предложил самый щедрый антиплатонизм, более других открытый современным творениям, наименее судьбоносный, наиболее прогрессивный. Ему не хватило малости – покончить с самим антиплатонизмом» [2, с.135]. К. Цукерт дает своей обобщающей работе красноречивое название – «Платоны постмодерна. Ницше. Хайдеггер. Гадамер. Штраус. Деррида», которое она объясняет тем, что названные авторы обращаются к Платону для того, чтобы познать природу философии как таковой и, одновременно, для того, чтобы понять причины, которые подталкивают их к переосмыслению этой философии. Таким образом, обращение этих авторов к Платону является не историко-философским исследованием, а частью их собственной философской деятельности [16].

Если антиплатонизм как таковой можно проследить вплоть до Эпикура (как считает Оливер Блох), Новой Академии (Карлос Леви) или даже до Антисфена (Альдо Бранкаччи), то современный, широко распространившийся, антиплатонизм четко и осознанно видит своим основоположником Ф. Ницше. Об этом открыто говорят и сами антиплатоники: тот же Ж. Делез («Ницше и философия») описывая формулировку вопроса о метафизике и ее свержении, отсылает нас к постановке этого вопроса у Ницше: «Метафизика формулирует вопрос о сущности в форме «что есть...?». Мы, возможно, и привыкли считать такую постановку вопроса само собой разумеющейся, но в действительности должны быть признательными за нее Сократу и Платону. Нужно возвратиться к Платону, чтобы увидеть, до какой степени вопрос «что есть...?» предполагает особый способ мышления» [4, с. 166 – 167]. И, несмотря на известные слова М. Фуко о том, что вся философия после Платона – это

антиплатонизм, собственный антиплатонизм Фуко, как показывает внимательный анализ, восходит именно к Ницше: «Конечно, не всякий антиплатонизм есть постмодернизм или ницшеанство. Но антиплатонизм Фуко – несомненно ницшеанского, происхождения» [3, с. 83].

Ответ на вопрос о двойственной природе современного антиплатонизма содержится в позиции Ницше, отношение которого к Платону настолько своеобразно, что представляет само по себе сложнейшую историко-философскую проблему. Мы хотим отметить только один аспект этой проблемы, который имеет отношение к философии образования у Ницше. Последний выстраивает свой собственный вариант учения о пайдейе, который достаточно очевидно демонстрирует свое родство с платоновским педагогическим проектом. Эта соотнесенность не является очевидной для широко распространенного представления о том, что Ницше настаивал на всего лишь отвержении и деструкции Платонова учения. А ведь, вообще говоря, даже в количественном отношении Платон – один из самых часто упоминаемых Ницше авторов: поиск по работам, наброскам и письмам в электронной версии полного собрания сочинений Ницше издания Джордже Колли и Маццино Монтинари *Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe* [15] дает 338 результатов. И, несмотря на это, об отношении Ницше к Платону чаще всего судят исключительно только по жестокой карикатуре, нарисованной им в «Рождении трагедии из духа музыки» и «Проблеме Сократа»: «я опознал Сократа и Платона как симптомы гибели, как орудия греческого разложения, как псевдогреков, как антигреков» [10, с. 341]. Доверия к такому упрощенному пониманию отношения Ницше – Платон добавляет и знаменитое программное положение из предисловия к «По ту сторону добра и зла»: «мы и должны вместе с тем признать, что самым худшим, самым томительным и самым опасным из всех заблуждений было до сих пор заблуждение догматиков, именно, выдумка Платона о чистом духе и о добре самом по себе. Но теперь, когда оно побеждено, когда Европа освободилась от этого кошмара и по крайней мере может наслаждаться более здоровым... сном, мы, чью задачу составляет само бдение, являемся наследниками всей той силы, которую взрастила борьба с этим заблуждением» [11; Т.2, с. 240]. Здесь Ницше еще с оптимизмом говорит об освобождении от Платона как о чем-то уже свершившемся. И точно так же, в «Сумерках идолов», он опять будет констатировать названием крохотного раздела: «Как «истинный мир» наконец превратился в басню». Хайдеггер утверждает, что сведение счетов с Платоном заняло у Ницше всю его жизнь: «В ту пору, когда для Ницше переворот платонизма стал выходом из него, на него обрушилось безумие. До сих пор это переименование не осмыслялось как последний шаг Ницше и, равным образом, никто не видел того, что только в последний год его творческой деятельности (1888 г.) оно свершилось с полной ясностью» [12; Т.1, с. 203].

С точки зрения формальной, у Ницше нет отдельного произведения, в котором излагалась бы его программа пайдейи, если не считать таковыми лекции 1872 г. «О будущности наших образовательных учреждений» и подготовительные заметки к ним, но тема воспитания проходит красной нитью практически через все произведения Ницше. О важности этой темы свидетельствуют и письма Ницше, в которых он неоднократно говорит о необходимости ответить на вопрос о сущности и цели образования. Ответы, которые дает Ницше, таковы: «Цель *образования* – поддержать природу в этом ее стремлении к безвременному совершенству <...> Признаком этого высшего типа образованности является *бесполезность* ее с точки зрения эгоизма, временности. <...> Задача *образования*: завершить формирование гения, проложить для него пути, сделать возможным его деятельность, окружив его благоговением, обнаружить его. Отсюда применительно к негению целями образования будут:

1. Послушание и смирение.
2. Правильный взгляд на узость всякой профессии.
3. Готовность служить гению, собирать для него материал» [9; Т.7, с. 374 – 375].

Таким образом, образование, по мысли Ницше, должно быть, прежде всего, воспитанием гения, сверхчеловека, причем достигается оно не привнесением содержания

извне, но раскрытием в самом гении этого сверхчеловеческого начала. В этом смысле современные Ницше гимназии и университеты бессмысленны, поскольку преследуют исключительно утилитарные цели, готовя правительству *интеллигентных чиновников*. Образование, лишенное воспитательного содержания превращается в механическую муштру. Образование не может быть народным, это достояние тонкого слоя избранных. И Ницше в качестве весомой альтернативы современному образованию видит как раз платоновский проект, здесь его стремление опровергнуть платонизм куда-то исчезает, и он говорит, что «организация государства гениев – вот истинная платоновская республика» [9; Т.7, с. 343]. И основные принципы, на которых базируется ницшеанская теория пайдейи, также демонстрируют его очевидную зависимость от Платона. Это замечает и автор работы о ницшеанской пайдейе, написанной даже не с историко-философской, а, скорее, с историко-педагогической позиции: «Проект Ницше, как можно убедиться на основании его первоначальных педагогических идей, тоже опирается на три принципа: 1) потребность образования в философии, 2) наделенность его художественными инстинктами, 3) зависимость от греческой и римской античности – воплощенным критерием всей культуры» [6, с. 68].

Чем дальше мы уходим от упрощенного образа Ницше, который обязан своим существованием не только шоку, в который он вверг первых своих читателей, но и издательской политике Ницше-архива, руководимого Э. Ферстер-Ницше, чем больше неизвестных ранее текстов философа входит в научный оборот, тем яснее вырисовываются черты, объединяющие Ницше с его, как ранее казалось, непримиримым идейным врагом – Платоном. Теперь уже ясно, что несистемность ницшеанства – вовсе не следствие прервавшей построение завершенной системы неожиданной болезни или просто нехватки у философа времени и (или) концептуального материала для построения системы, как считали раньше. Несистемность философии Ницше так же принципиальна, как и несистемность Платона (в отличие от школьного платонизма). Фальсификация, представляющая якобы систему Ницше, «Воля к власти», относится к его философии так же, как учебники платоновской философии к философии самого Платона. Давно замечено, что Ницше заимствует у Платона множество педагогических принципов и техник, которые он использует при композиции текста в собственной философской практике [6, с. 103]. Обнаруживается даже, несколько неожиданный, параллелизм литературной формы произведений Ницше и Платона (В. Каплун замечает: «Нетрудно увидеть, что, выбирая для своих лекций особую литературную форму, Ницше ориентируется на модель платоновского диалога» [8, с. 118]).

Ницше, как и Платон, никогда не руководствуется чистым теоретическим интересом, это всегда, явно или скрыто, интерес практический, а еще точнее – политический. Ницше даже в преодолении политики видит начало политики – в «*Esse Homo*» мы читаем: «Понятие политики совершенно растворится в духовной войне, все формы власти старого общества взлетят в воздух – они покоятся все на лжи: будут войны, каких еще никогда не было на земле. Только с меня начинается на земле большая политика» [11; Т.2 с. 763]. Точно так же, у Ницше, как и у Платона, политическая тематика с необходимостью приводит к вопросам образования. При этом сохраняется двойственное отношение Ницше к Платону: с одной стороны, логика развития идеи постоянно приводит Ницше к тем же вопросам, которые ставил Платон, с другой стороны, Ницше изначально отказывается принимать платоновские ответы. Платон оказался близок Ницше настолько, что, пожалуй, самое правильное слово для описания этой ситуации – соперничество. Эта близость predetermined объективно настолько, насколько субъективно Ницше не принимает пресловутый «платоновский идеализм». Эту близость-вражду двух мыслителей отмечает Х. Отман, когда утверждает: «Как и для Платона, политика становится для Ницше делом образования и воспитания – пайдейи. Как и для Платона, главный вопрос для Ницше ставится в форме: кто правит? Какой человеческий тип? Сверхчеловек вступает в соперничество с философом-правителем, учение о вечном возвращении вступает в соперничество с метафизикой идей. Это учение

призвано стать *megisthon mathema*, величайшим учением, цель которого – перенести центр тяжести из «потустороннего мира», «заднего мира» на нашу землю, в этот временной мир. «Сверхчеловек» станет тогда «господином этой земли» [8, с. 67].

Подытоживая вышесказанное, мы можем сказать, что образ Платона в творчестве основателя современного антиплатонизма оказывается, как мы видим, значительно ближе к историческому Платону, чем академический образ последнего. Ницше отказался от академической карьеры со словами о необходимости вырвать философию греков из скуки, в которую ее погрузили ученые. Так же он отбросил и школьный платонизм ради соперничества с действительным историческим Платоном, которого Ницше не только знал, но и *понимал*. Нам представляется удачной формулировка, используемая современным исследователем для определения отношения Ницше – Платон: «именно у Платона Ницше в этот период пытается заимствовать основные элементы философского метода – но не для того, чтобы развить философский проект Платона в современных условиях, а для того, чтобы *перехватить* его и развить во многом антиплатоновски, создав возможность альтернативного платоновскому варианту развития европейского сознания» [8, с. 111].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутин А.В. Чтение «Геэтета» / А.В. Ахутин // Поворотные времена – СПб.: Наука, 2005. – С. 218 – 295.
2. Бадью. А. Делез. Шум бытия /А. Бадью; [пер. с франц. Д. Скопина]. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; издательство «Логос-Альтера»; Ессе homo, 2004. – 184 с. – (Интеллектуальные биографии).
3. Глухов А.А. Политическая логика Платона. Интерпретация «Государства»: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук: спец. 09.00.03 – история философии. / А.А. Глухов. – М, 2012. – 26 с.
4. Делез Ж. Ницше и философия / Ж.Делез; [пер. с фр. О. Хомы под ред. Б. Скуратова]. – М.: Ad Marginem, 2003. – 390 с.
5. Делез Ж. Различие и повторение / Ж.Делез; [перевод с французского Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской]. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998 – 384 с.
6. Корнющенко Д.И. Элитарная концепция пайдеи в философии Фридриха Ницше: опыт философского исследования /Д.И. Корнющенко. – М.: Компания Спутник, 2010. – 322 с.
7. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода / Э.Левинас; // [пер. с франц.]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 752 с. – (Серия «Книга света»).
8. Ницше и современная западная мысль: Сб. статей. / Под ред. В. Каплуна. — СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. – 592 с. – (Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. Тр. ф-та полит, наук и социологии; Вып. 9).
9. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в тринадцати томах / Ф.Ницше. – М.: Издательство «Культурная революция», 2005 – 2011.
10. Ницше Ф. Проблема Сократа / Ф.Ницше; [Составление, подготовка текста Ивановой М.Ш.] // Ф.Ницше. Избранные произведения: Кн. 1 – 2. – М.: Итало-советское издательство «Сирин», 1991. – Кн. 1. – 1991. – С. 341 – 346.
11. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т.1 – 2 / Ф.Ницше. – М.: Мысль, 1996. – (Философское наследие).
12. Хайдеггер М. Ницше. Т. I – II / М.Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2006 – 2007.
13. Contre Platon (Le platonisme devoile) / [Textes reunis par Monique Dixsaut]. – Paris: Vrin, 1993. – 464 p.
14. Contre Platon (Renverser le platonisme) / [Textes reunis par Monique Dixsaut]. – Paris: Vrin, 1995. – 322 p.
15. Nietzsche F. Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Briefe [Электронный ресурс] / Friedrich Nietzsche – Режим доступа: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB>.

16. Zuckert, C. *Postmodern Platos : Nietzsche, Heidegger, Gadamer, Strauss, Derrida I*
Catherine H. Zuckert – Chicago and London: Chicago University Press, 1996. – 351 p.